

Глава 2

Еженедельный ритуал

Религия — это не вера во что-либо... Религия — это о том, чтобы менять себя, о прикосновении к святости и благочестию.

Карен Армстронг

Хотя религии и не пришли к единому мнению о том, какой день считать святым, но они утверждают, что должен быть такой день, когда вы пересматриваете свои убеждения, общаетесь со своим окружением и с самим собой. Для иудеев такой ритуал начинается в пятницу после заката солнца и продолжается вплоть до заката солнца в субботу. У мусульман это обычно

дневные пятничные молитвы. У большинства христиан (за исключением адвентистов седьмого дня, у которых основной ритуал приходится на субботу) праздник начинается в воскресенье. Квакеры, одна из протестантских сект, которая не признает ежегодные праздники, поскольку восхваляет Христа каждый день, молча молятся на еженедельных встречах во славу своих убеждений. В буддизме святой день недели зависит от фазы луны.

Для моих прадедушки и прабабушки святым днем был Шабат. Каждую неделю в этот день они не работали, не брали в руки деньги и не использовали электричество: никаких ламп, никаких телефонов и никаких автомобилей. Только молитва, посещение синагоги и общение в кругу семьи. Это было время раздумий, отдыха после недельных забот.

Но и у ортодоксов имелись свои лазейки. Например, в больших зданиях, где жили иудеи, лифты были запрограммированы останавливаться на каждом этаже каждый Шабат. Если вы не нажимаете кнопки, значит, не нарушаете правила, не правда ли? Этот вопрос вызывает много споров. Однако есть и другие исключения. Если вы сильно больны, то в синагогу можно поехать на машине. Но даже умирая от рака желудка, мой прадедушка Бенджамин все равно предпочитал ходить на службу пешком каждую неделю.

После заявления моего дедушки Гарри такие праздники, как Пасха и Ханука, остались в семейном календаре, но мы потеряли Шабат, и какая-то часть меня тоскует по этому.

В светском мире тоже есть свои ритуалы. Счастливые часы в четверг, ночь свиданий, любимые занятия или волонтерство. Поход на фермерский рынок, в салон красоты или на прием к психотерапевту — почти все, кого я знаю, считают необходимым делать это раз в неделю. До появления видеомэгнитофонов, цифровых видеорекордеров и социальных сетей своеобразным ритуалом был просмотр любимой телепрограммы или новостей — всегда в одно и то же время. Спортивные события до сих пор идут в прямом эфире, а миллионы людей испытывают восторг и бурно выражают эмоции в своих гостиных. Это, конечно, не сакральные переживания, но подобные традиции помогают нам выстраивать свою жизнь, чувствовать единение с нашим сообществом и обретать связь с самим собой.

По пятницам после школы мама обычно покупала мне халу в пекарне в Итаке, в Верхнем Нью-Йорке, где я выросла. Это была некая отсылка к нашим предкам. Я же ходила в пекарню в основном за брауни с мятной глазурью, которой съедала в машине по дороге домой. Для меня это тоже был своеобразный священный момент, я любила заканчивать так неделю, отмечать

переход от трудов к отдыху (даже если моя работа на тот момент заключалась в том, чтобы раскрашивать картинки). Теперь я думаю, что это был способ определять вехи времени, чтобы чувствовать его движение. Время есть понятие неопределенное. Оно постоянно течет, но ощутить это очень сложно. Все равно что лежать на траве и пытаться почувствовать вращение Земли. Если перемены незначительные и постоянные, то отследить их бывает трудно. Но, наблюдая за закатом, например, мы можем зафиксировать еще один виток.

Часто по выходным у нас с мамой был свой сакральный ритуал, хотя я стала воспринимать его таковым, лишь став взрослой. Мама доставала большую пачку поделочной бумаги, клей, ножницы, а также большой кусок картона. Мы выбирали тему — океан, космос, динозавры, лес — и создавали мир, вырезая из бумаги животных, растения, камни и солнце. Иногда это было даже что-то религиозное. Эдемский сад и Ноев ковчег не были под запретом в нашем доме. Мы изучали эти истории. Мне очень нравился мой игрушечный деревянный ковчег, в котором каждой твари было по паре. Но эти вехи цивилизации были представлены в виде поучительного материала, а не как исторические события. (Моя мама говорила: «Есть доказательства того, что на земле был великий потоп, однако археологические раскопки не подтверждают тот факт, что

сохранилась именно пара представителей каждого вида животных, которые затем расплодились и заселили планету».)

Было неважно, что именно мы вырезали, гораздо важнее было то время, которое мы проводили вместе. Мы сидели рядом, болтали и делали что-то интересное. Это был почти ритуал. И он был еженедельным. Заниматься этим каждый день было бы утомительно, и не создавалось бы такого особенного ощущения. Раз в месяц было бы слишком мало; мы бы выбились из ритма. Раз в неделю было в самый раз.

Неделя не приурочена к астрономическому течению времени, как, например, времена года. Ее привязали к фазам луны, каждая из которых составляет 28 дней и ровно делится на 7. Многие народы дошли до этого независимо друг от друга. Но в неделе необязательно должно быть 7 дней. У различных древних народов в неделе могло быть 8, 9 и 20 дней. Во времена французской революции, когда в обществе происходили большие перемены, календарь был переведен на десятичную систему. У древних египтян в свое время возникла такая же идея.

То, как мы ощущаем время, зависит от наших убеждений. Это отражается на нашем восприятии недели. В английском языке слово Monday — понедельник — это сочетание слов moon (луна) и day (день).

В испанском, французском и итальянском языках названия дней недели строятся так же. Это звучит не совсем по-английски, но Tuesday — вторник — назван так в честь Марса. В других языках это гораздо очевиднее: martes (испанский), mardi (французский) и martedì (итальянский). Wednesday (miércoles, mercredi и mercoledì) — среда — посвящен Меркурию, Thursday — четверг — Юпитеру, Friday — пятница — Венере, Saturday — суббота — Сатурну. Sunday — воскресенье — расшифруйте сами.

Все эти названия планет являются также именами богов древней Европы. (По этой причине квакеры иногда присваивают дням недели порядковые номера, чтобы лишний раз не вспоминать дохристианских идолов.) От Греции до Скандинавии люди персонифицировали своих богов и отождествляли их с планетами и звездами, считая богов частью Вселенной. На самом деле на протяжении большей части истории мира природа и религия были практически единым целым. Вселенная была священной. Боги и природа еще не вступили в войну друг с другом.

В детстве я прочла много древних мифов. В одном из них рассказывалось о боге, который принял образ пастуха. Он спустился с горы Олимп, чтобы смешаться с людьми и стать таким же смертным. Однажды, когда я была уже взрослой, мне пришла в голову мысль, что

я живу в одном из таких мифов. Это было накануне самой важной встречи в моей жизни.

Мы с Джоном только поженились, и за неделю до моего дня рождения нам пришлось поехать в Вашингтон, округ Колумбия. Библиотека Конгресса устроила торжество по поводу приобретения работ моих родителей. Это было удивительное и эмоционально насыщенное событие. Я рыдала все время, пока слушала выступления и смотрела видео, на которых был мой молодой папа — здоровый и сильный.

Джон переживал, что это событие полностью затмит мой день рождения. Он зарезервировал столик в ресторане, куда мы мечтали попасть после потрясающего отзыва Андерсона Купера в программе «60 минут». Это был ресторан молекулярной кухни, там каждое блюдо — настоящий гастрономический шедевр: шарики мохито, попкорн в жидком азоте. Мы знали, что еда будет сюрреалистичной. Но не знали, что такой же будет и поездка в ресторан. Мы обсуждали карьеру Джона, когда ловили такси. Джон был в своем репертуаре и говорил без особого энтузиазма. Я сказала мужу (и уже не в первый раз), что, по моему мнению, он должен выбрать то, что любит; если ему хочется, он даже мог бы пойти работать в школу и поменять сферу деятельности. Джон напомнил мне (тоже не в первый раз), что у него хорошая стабильная работа и бросать

ее было бы безответственно. Мы сели в такси, сообщили адрес водителю и продолжили разговор — мы и сейчас, спустя уже шесть лет, постоянно ведем одни и те же разговоры.

«Как долго вы женаты?» — спросил водитель, продемонстрировав мелодичный акцент и поглядывая на нас через зеркало заднего вида. Он едва смотрел на дорогу.

«Светофор, сэр», — сказал Джон.

«Шесть недель», — сказала я.

«Шесть месяцев — так вы молодожены!»

«Нет, шесть недель!»

Водитель издал низкий звук, как бы давая нам понять, что он хорошо разбирается в вопросах брака. Затем он запел: *Oh Lord, won't you buy me a Mercedes-Benz...*

Мы с Джоном переглянулись. Эта песня сменилась другими песнями Дженис Джоплин, а затем балладами на незнакомом нам языке. Он пел нам серенады, изредка поглядывая на дорогу. Джон приобнял меня в целях безопасности.

«Вы знаете Дженис Джоплин?» — спросил водитель.

«Да, конечно», — ответили мы.

«Это то, что мне нравится в Америке. В Сьерра-Леоне у каждой деревни есть своя песня. Здесь многие люди знают одни и те же песни. Вы поете?»

Я гнусавлю, и у меня нет чувства ритма. У Джона вроде есть, но мы сказали, что не поем.

«Вы должны петь вместе!» — Водитель был очень эмоционален, как будто в нашем браке не хватало чего-то важного, такого как общение или секс.

Мы сказали, что поем ужасно.

«Это неважно, — ответил он. — Вы все равно можете петь. Любую песню, что угодно! А-В-С-D...»

Затем последовал бит. Мы с Джоном молча кивнули: «E-F-G?»

Мы продолжили с H — и так мы все трое пели в машине по дороге к 9-й улице. Наконец мы дошли до буквы Z.

«Вы должны петь вместе хотя бы раз в неделю, — сказал водитель. — Будьте непосредственными, и вы навсегда останетесь вместе».

Мы доехали до ресторана, вышли из машины и спросили друг друга, что же это такое было. Если бы я верила, то подумала бы, что это было некое божественное благословение. Но поскольку я не верю, мне кажется, что это был очень добрый, мудрый и слегка шумный незнакомец, которого мы просто случайно встретили.

Мои родители научили меня тому, что любовь — это священный дар, а мы с Джоном всегда считали, что любовь — это своего рода религия. Это не что-то

сверхъестественное, но то, во что можно верить, что нужно ценить и беречь, а не принимать как само собой разумеющееся.

Как у любой религии, у нашей любви тоже есть своя история (однажды августовским вечером наша дружба переросла в нечто романтическое) и свои ежегодные праздники (годовщина того первого вечера; день, когда мы решили, что мы пара; наша свадьба), а также масса других трансцендентных моментов. Но у нас не было ни одного еженедельного ритуала: регулярного события во славу радости и в поддержку того очага, который мы создали вместе. Это то, что необходимо делать постоянно в определенное время, чтобы в моменты усталости, разочарования и обиды напоминать друг другу о наших ценностях. То, что мы должны будем делать, даже если нам этого не хочется. Именно водитель, чьего имени мы так и не спросили, подарил нам эту идею.

С момента той поездки в такси многое изменилось. Джон нашел любимую работу. Мы переехали из Нью-Йорка в Бостон. У нас родился ребенок. Мы продолжаем петь нашу песню. Мы поем ее каждые выходные, обычно утром в субботу, как только откроем глаза. Мы делаем глубокий вдох, а затем начинаем. Мы поем эту песню, когда чувствуем, что безумно влюблены друг в друга, когда злимся друг на друга и когда

торопимся куда-то. Когда мы в разлуке, то поем ее даже по телефону.

Начиная с южных баптистов и заканчивая шаманами Сибири, песнопения всегда присутствовали в составе ритуалов. Песни поют не только представители нашего вида. Птицы, насекомые и киты в брачный период затягивают особую песню. Ежедневные групповые песнопения сопровождают многие религиозные службы. И даже вне религии люди поют. Например, во время спортивных чемпионатов или в детских садах.

Пропевать буквы алфавита подойдет далеко не каждому. Это выглядит немного странно, а порой даже глупо. Но за пять лет с момента той поездки на такси я поняла, что в этом есть смысл. Такая открытость помогает избавиться от защит, укрепить связь и позволяет демонстрировать друг другу свою уязвимость. В этом и есть смысл — ощущать себя частью чего-то большего: семьи или даже Вселенной.

Позже у меня появился еще один ежедневный ритуал в дополнение к пропеванию букв алфавита, который также подразумевал песнопения. По вторникам я везу свою дочь в театральную студию, где организован музыкальный класс для детей. В отличие от меня, у моей дочери несомненно есть музыкальный талант, по крайней мере чувство ритма точно. Когда у Джона получается, он присоединяется к нам. Мы

поем Twinkle, Twinkle, Little Star и Old MacDonald Had a Farm, а также песни, которые я раньше не слышала. Дети играют на игрушечных инструментах. Среди нас есть еще три мамы, чьи девочки родились почти в то же время, что и наша дочка. Мы с ними очень близки. Мы организовали тесную компанию, помогаем друг другу, советуемся и обмениваемся впечатлениями. И каждую неделю мы с восторгом наблюдаем за тем, как наши дети постепенно растут. Каждый день этого не замечаешь, но когда мы встречаемся вместе, то обращаем внимание на то, что время движется. Мы чувствуем воодушевление оттого, что причастны к такому сакральному моменту. В нашей новой маленькой секте мы служим нашим крошечным божествам искренне и самоотверженно, отдавая им всю свою любовь без остатка, и готовы пойти ради них на любые жертвы.